

Мадлен Л'Энгл

Трещина
во времени

Победитель премии
«Newbery Medal and Honor Books»

Мадлен Л`Энгл
Трещина во времени
Серия «Квинтет времени», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5809844
Трещина во времени / Мадлен Л`Энгл.: Астрель; Москва; 2013
ISBN 978-5-271-45983-2

Аннотация

Это была темная и бурная ночь.

На крыльях этой штормовой ночи в дом семейства Мурри явились странные гости. Они увлекают Мэг, ее брата Чарльза Уоллеса и их друга Кельвина О'Кифи в самое опасное и невероятное приключение, которое поставило под угрозу не только их жизни, но и само существование нашей Вселенной.

Содержание

Жила-была девочка...	4
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мадлен Л'Энгл

Трещина во времени

*Посвящается Чарльзу Уодсуорту Кемпу
и
Уоллесу Коллину Франклину*

Жила-была девочка...

Книга Мадлен Л'Энгл была опубликована в 1962 году, но до сих пор не потеряла своей актуальности. Полвека спустя приключения маленькой девочки с извечными детскими проблемами – неурядицами в школе, очками и ужасными скобками на зубах, – не покажутся современному ребенку делами давно минувших дней. Помимо скобок и очков Мэг Мурри мучают и другие проблемы: она «не такая, как все», ведет себя не так, как положено, и потому ей постоянно достается от учителей и одноклассников.

Мадлен Л'Энгл писала «Трещину во времени» под впечатлением от коммунистического режима, усредняющего все и не терпящего инаковости, но вряд ли она могла подумать, что уйдет в прошлое сам режим, но требования останутся прежними.

Нет ничего для человека более неприятного, чем выбивающийся из «нормы» сосед, и если взрослые умеют защититься, адаптировать, то дети ощущают отчуждение болезненно, привыкают быть виноватыми или злятся, навлекая на себя все новые и новые беды.

Хорошо, когда есть такая мама, как миссис Мурри. Ее дети – дерзкая умница Мэг и необычайный ребенок-индиго Чарльз Уоллес, – дома в полной безопасности.

Миссис Мурри всегда на стороне своих детей, миссис Мурри знает и верит, что они не «белые вороны», а самые замечательные дети в мире.

Именно она помогает детям противостоять еще одному удару – сплетням и слухам, которые взрослые распространяют вокруг странного исчезновения отца Мэг, мистера Мурри.

Именно она приглашает в дом странную посетительницу, с которой недавно подружился маленький Чарльз Уоллес, старушку по имени миссис Что-такое...

Путешествия между мирами – какая обычная, на первый взгляд, тема, но не нужно забывать, какое чудо дети видят в самых обыденных вещах и каким увлекательным им покажется необычайное приключение трех маленьких друзей – Мэг Мурри, ее брата Чарльза Уоллеса и мальчика по имени Кельвин.

Кельвин – еще один персонаж, о котором стоит рассказать отдельно. Красавец и спортсмен, добрый и отзывчивый мальчик, оказался совсем не нужен своим родителям, и эта его личная трагедия и мужество, с которым он с ней борется – еще один пример веры в себя и самоуважения, которого подчас так не хватает в мире взрослых.

Путешествие друзей нелегко – каждый переход дается им с трудом, и каждый раз они оказываются на грани смерти, но упрямо преследуют поставленную цель – найти мистера Мурри и спасти Землю от наползающего на нее Зла.

Поочередно они попадают в миры то полные гармонии и красоты (такова родина миссис Что-такое и ее удивительных подруг), то в совершенно невообразимые – например, двухмерный мир, где никак не выжить трехмерным ребятам, то в мир тетушки Зверь, где уродливые на первый взгляд слепые существа оказывают детям помощь и показывают пример безусловной любви.

Такие перемены не случайны – ненавязчиво автор показывает многообразие жизни, прививает уважение к иным ее формам, даже тем, которые с непривычки могут показаться отвратительными.

Тепло тетушки Зверь, странная мудрость миссис Кто, заключающаяся в цитатах великих людей, с помощью которых она и общается, история самопожертвования звезды – все эти проявления человечности, добра и накопленного людьми опыта – путеводные знаки на нелегком пути троих друзей.

Кто же их враг? Кто может заставить добросердечную Мэг превратиться в злую капризную девчонку, а чуткого внимательного Чарльза Уоллеса – в бездушного робота, безучастную ко всему куклу?

Этот враг назван просто – Предмет.

Неодушевленная машина по производству одинаковых людей (Мэг воскликнет: «Не одинаковых, а равных!», но будет ли этого достаточно для победы над чудовищной работой усреднения, созданием иллюзии человеческого счастья?

Как трудно побороть соблазн стать таким, как все, точно знать, что делать положено, а что – нет, быть уверенным в общем благе и беспрекословно подчиняться силе, которая не позволит иметь никаких сомнений!

От сомнений все беды, от инаковости все несчастья, от разнообразия все ошибки, считает Предмет, и мы до сих пор сталкиваемся с отголосками подобных рассуждений, до сих пор встречаем людей, уверенных в том, что «норма» и только «норма» – залог безбедного существования в этом мире.

Мистер Мурри не справился с Предметом – у взрослых нет против него оружия.

Вся тяжесть сражения легла на плечи детей.

И пусть в описаниях встречаются всем нам понятные строки:

«– Так вы проверяющие? – заметно оживился мальчик. – Всем известно, что в нашем поселке – самый мощный, Центральный Мыслительный Центр на планете! Мы выпускаем продукцию только самого высшего качества! Наши фабрики работают в круглосуточном режиме, и производственные линии никогда не останавливаются! А кроме того, у нас есть пять поэтов, три художника и шесть скульпторов – и все идеально настроены!», по которым легко узнается и описываемый период времени, и режим, но борьба идет не против него.

Мэг и ее друзья одерживают верх над серостью, усредненностью, общим знаменателем, под который пытаются подвести совершенно разных людей.

В 1962 году писательница Меделин Л'Энгл протянула руку помощи всем детям, которые ловят на себе косые взгляды, получают нагоняи от учителей, тычки от одноклассников и порой не могут даже обратиться за поддержкой к родителям, как не удалось это сделать Кельвину.

Ее книга учит детей главному – вере в себя и самоуважению.

Ее книга напомнит взрослому, что он когда-то тоже был «не такой, как все» и, может, добавит ему немного терпимости, немного мудрости и тепла.

*Евгения Мелемина,
писатель-фантаст*

Глава 1

Миссис Что-такое

Это была темная и бурная ночь. У себя в спальне на чердаке Мэг Мурри закуталась в старое лоскутное одеяло и уселась на кровати, следя за тем, как за окном деревья клонятся под порывами ветра. Над верхушками деревьев по небу с бешеной скоростью неслись облака. То и дело в разрывы между тучами выглядывала луна, и тогда по земле бежали причудливые зловещие тени.

Дом содрогался от ударов непогоды.

Мэг тоже дрожала, зябко кутаясь в одеяло.

Обычно она не боялась непогоды. Она подумала, что ей так страшно не только из-за грозы. Просто гроза стала довершением всего остального. Всего, что навалилось на Мэг Мурри. Всего, что Мэг Мурри сделала не так.

Школа. Школа – вот что было у нее не так. В своем классе она вечно тащилась в самом хвосте, среди двоечников. И сегодня их учительница сердито воскликнула:

– Право же, Мэг, я ума не приложу, как из дочки таких выдающихся родителей могла вырасти такая плохая ученица! Если ты не исправишь оценки, то придется оставить тебя на второй год!

На перемене она не сдержалась и дала выход накопившемуся отчаянию, и тогда одна из девочек презрительно заметила:

– Слушай, Мэг, мы уже больше не сопливые первоклашки! Почему ты все еще ведешь себя как младенец?

А когда она брела из школы домой, прижимая к себе тяжелую охапку книг, какой-то мальчишка пробурчал что-то по поводу ее «тупого младшего брата». В тот же миг книги полетели в одну сторону, а мальчишка – в другую, не устояв под атакой налетевшей на него Мэг. В итоге она явилась домой в изодранной кофте и со здоровенным фингалом под глазом.

Санди и Деннис, ее десятилетние братья-близнецы, вернулись из школы на час раньше и тоже набросились на нее с упреками:

– Драка – это *наше* дело, а не твое! – заявили они.

«Недотепа, – мрачно рассуждала она про себя. – Вот что они скажут мне сейчас. Мама не скажет. А они скажут. И все остальные тоже. Если бы папа...»

Но она до сих пор не могла думать о нем без слез. Только ее маме удавалось говорить о папе как ни в чем не бывало: «Когда твой папа вернется...»

Вернется откуда? И когда? Неужели мама не знает, о чем шепчутся у нее за спиной? И наверняка это ранит ее так же больно, как Мэг. Но даже если это и так, она никогда не подавала виду. И никогда не теряла свой безмятежный вид.

Мэг бесило то, что она не умела напустить на себя такую же безмятежность. Ну почему она так глупо выдает свои чувства?!

Стекла в окне задребезжали под новым ударом ветра, и она плотнее запахнулась в одеяло. Котенок, свернувшийся пушистым серым клубочком у нее на подушке, лениво потянулся и зевнул, показав розовый язычок, снова спрятал мордочку под лапку и заснул.

Все в доме спали. Все, кроме Мэг. Даже Чарльз Уоллес, ее «тупой младший брат», которому непостижимым образом всегда становилось известно, что Мэг не спит и что ей плохо. Тогда он на цыпочках поднимался на чердак, чтобы ее утешить. Но в эту ночь Чарльз Уоллес так и не проснулся.

Как они только могут сейчас спать?! Весь день по радио повторяли ураганное предупреждение. Как они могли бросить ее на разболтанной медной кровати на чердаке, где крыша такая ветхая, что ее запросто может сорвать ветром? А вдруг ее унесет сейчас вместе с крышей в ночное небо, в непроглядную тьму, где никто ее не разыщет?

От этих мыслей дрожь пробрала Мэг с новой силой. Она отчаянно попыталась успокоить себя, повторяя, что это она сама уговорила маму позволить ей занять спальню на чердаке. И мама согласилась, потому что она самая старшая. А значит, это было привилегией, а не наказанием!

– Только не во время урагана – тогда это никакая не привилегия! – не выдержав, выкрикнула девочка. Она скинула одеяло и встала. Котенок лениво потянулся и уставился на нее огромными безмятежными глазами.

– А ты спи себе! – велела Мэг. – Радуйся, что ты котенок, а не такое чудище, как я!

Она посмотрела на свое отражение в зеркале на дверце шкафа и состроила ужасную рожу, выставив напоказ скобки на зубах. Машинально напялила очки и взъерошила свои непокорные волосы, так что они встали дыбом. От этого зрелища у нее вырвался такой шумный вздох, что на миг даже не стало слышно рева урагана.

Широкие деревянные половицы неприятно холодили ноги. В щели в рамах врвался ледяной сквозняк, несмотря на все уплотнители и ставни. Она слышала, как завывает ветер в дымоходе над камином. Здесь, наверху, было отлично слышно, как взлаивает Фортинбрас, их большой черный пес. Наверное, бедняга тоже испугался. Но на кого он так лает? Фортинбрас никогда не поднимал шум без причины.

Очень некстати ей вспомнилось, что, когда она зашла на почту забрать письмо, там все только и говорили, что о каком-то бродяге, который якобы украл дюжину простынь с веревки у миссис Бунскомб, жены констебля. Его так и не поймали, и теперь он запросто мог

подбираться к дому Мурри, стоявшему на отшибе, в самом конце дороги. И кто знает: вдруг на этот раз у негодяя на уме что-то похуже кражи постельного белья? Тогда, на почте, Мэг не очень-то прислушивалась к этому разговору, поскольку заведующая почтой со слащавой улыбкой поинтересовалась, нет ли новостей от ее папочки.

Она вышла из своей тесной спальни и прошлась по чердаку, в темноте налетев на угол теннисного стола. Ну вот, только синяка на ноге ей не хватало!

Следом ей под ноги попались ее старый кукольный дом, лошадь-качалка Чарльза Уоллеса и игрушечный поезд близнецов.

– Ну почему все это должно случиться именно со мной?! – сердито спросила она у большого плюшевого медведя.

У нижней ступеньки лестницы на чердак она замерла и прислушалась. Ни звука из комнаты Чарльза Уоллеса справа. И слева, из родительской спальни, где мама одна спала в большой супружеской кровати, не доносилось ни шороха. На цыпочках она проскользнула по коридору к комнате близнецов, автоматически поправляя очки, как будто от них был какой-то прок в этой крошечной темноте. Деннис храпел. Санди бормотал что-то о бейсболе и боковом ударе. У близнецов не было никаких проблем. Они не были отличниками, но и двоечниками тоже не были. Их прекрасно устраивали средние оценки с редкими вкраплениями высших и низших тоже. Они были сильны для своих лет, быстро бегали и умели играть в команде, и в семействе Мурри трещина могла возникнуть между кем угодно, только не между Санди и Деннисом.

Она вышла из спальни близнецов и спустилась на первый этаж, стараясь не наступить на скрипучую седьмую ступеньку. Фортинбрас уже замолчал. Значит, на этот раз бродяга к ним не полез, иначе пес своим лаем переполошил бы весь дом.

А что, если этот тип все-таки *пришел*?! А если у него нож? Их дом стоял так далеко от соседей, что никто не услышит, сколько бы они ни кричали. Впрочем, даже если бы и услышали, никто не пришел бы на помощь.

Девочка решила, что стоит сварить себе горячего какао. Это немного приободрит ее, и даже если крышу сорвет ветром, Мэг не унесет вместе с нею.

На кухне уже горел свет, и Чарльз Уоллес сидел за столом, уплетая бутерброд с джемом. Он казался особенно маленьким и хрупким, когда сидел один-одинешенек в их просторной кухне под старину: белокурый малыш в выцветшей синей футболке. Его ноги сантиметров двадцать не доставали до пола.

– Привет! – дружелюбно приветствовал он сестру. – Я тебя ждал.

Со своего любимого места под ногами у Чарльза Уоллеса, где ему иногда перепадал лакомый кусочек, Фортинбрас приподнял узкую черную морду и поздоровался с Мэг, застучав хвостом по полу. Фортинбраса подбросили им на крыльцо холодной зимней ночью. Тогда он был тощим заморышем. Папа Мэг решил, что это помесь ирландского сеттера и гончей. Пес обладал неповторимой красотой и грацией и сильно отличался от других собак.

– Почему ты не пришел ко мне на чердак? – Мэг обратилась к младшему брату как к равному. – Я испугалась до смерти!

– У тебя на верхотуре слишком сильный ветер, – отвечал брат. – И я знал, что ты сама спустишься. Я поставил на плиту молоко и для тебя. Наверное, оно уже согрелось.

И откуда Чарльз Уоллес умудряется все про нее узнать? Как он сам об этом говорит, что ему неизвестно, да и безразлично, что думают Деннис и Санди. Зато он так часто копается в мозгу их мамы и самой Мэг, что даже страшно становится.

Не оттого ли люди побаиваются младшего сынишку Мурри, который вроде как не блещет талантами? «Я слышал, что у слишком умных людей часто рождаются ненормальные дети, – как-то услышала она за спиной боязливый шепот. – Двое старших мальчиков кажутся милыми, воспитанными детьми, но эта жуткая девчонка и малыш словно из другой семьи!»

Сказать по правде, Чарльз Уоллес редко открывал рот, когда поблизости находился кто-то чужой, отчего в городке поползли слухи, будто он вообще не умеет разговаривать. Правдой было и то, что он не говорил до четырех лет. Но Мэг все равно бесило, когда она замечала, с каким презрением смотрят на него окружающие и как многозначительно хмыкают при этом.

– Ты можешь не тревожиться из-за Чарльза Уоллеса, Мэг, – как-то сказал ей папа. Мэг отлично помнила тот разговор, потому что он состоялся незадолго до его исчезновения. – С головой у него все в порядке. Просто он делает все по-своему и в свое время.

– Не хочу, чтобы он вырос таким же тупым, как я, – возразила Мэг.

– Ох, милая, но ты же вовсе не тупая! – воскликнул папа. – Ты такая же, как Чарльз Уоллес. Ты развиваешься в своем собственном темпе. Ты не виновата, что он не совпадает с темпом обычного человека.

– А ты откуда знаешь? – сердито спросила Мэг. – С чего ты взял, что я не тупая? Ты веришь в это, потому что меня любишь?

– Конечно, я тебя люблю, но говорю так вовсе не поэтому. Ты же знаешь, через сколько тестов мы с мамой тебя провели!

Да, это верно. Мэг отлично понимала, что «игры», в которые предлагали ей поиграть родители, в половине случаев оказывались тестами и что им с Чарльзом Уоллесом такие тесты предлагались гораздо чаще, чем близнецам.

– Ты имеешь в виду тесты на IQ?

– Да, некоторые из них были и такими.

– И с моим IQ все в порядке?

– Более чем.

– И что это значит?

– А вот этого я тебе не скажу. Но они уверили меня, что и ты, и Чарльз Уоллес окажетесь талантливы в любом деле, которое вам понравится, когда дорастете до этого. Ты будешь удивлена, когда Чарльз Уоллес заговорит. Только погоди.

Ах, как он был прав! Хотя ему самому не довелось убедиться в этой правоте, потому что он исчез до того, как Чарльз Уоллес заговорил. Это произошло разом и без всякого детского сюсюканья. Малыш выдавал законченные связные предложения, и папа наверняка бы им гордился!

– Посмотри за молоком, а то убежит, – напомнил Чарльз Уоллес, выговаривая звуки так четко, что трудно было поверить, будто ему пять лет. – Потом сама же будешь беситься, если пенка пригорит.

– Но тут молока больше, чем на две большие кружки! – удивилась Мэг, заглянув в кастрюльку.

– Я подумал, что мама тоже захочет, – безмятежно кивнул Чарльз Уоллес.

– Чего я захочу? – слышалось из коридора, и вот уже на пороге кухни показалась их мама.

– Какао, – объяснил Чарльз Уоллес. – Сделать тебе бутерброд с паштетом и сыром? Я с удовольствием тебе приготовлю.

– Это звучит заманчиво, – ответила миссис Мурри, – но я могу и сама его приготовить, если тебе трудно.

– Никаких трудностей, – Чарльз Уоллес соскользнул со своего кресла и прошел к холодильнику, ступая мягко, как котенок. – А тебе, Мэг? – предложил малыш. – Хочешь бутерброд?

– Да, пожалуйста, – кивнула Мэг. – Только без паштета. У нас остались помидоры?

Чарльз Уоллес заглянул в отделение для овощей и ответил:

– Один. Мама, можно я отдам его Мэг?

– Разве можно придумать лучший способ его использовать? – улыбнулась миссис Мурри. – Только, пожалуйста, потише, Чарльз Уоллес, а то близнецов разбудишь!

– Вот, эксклюзивный вариант, – сказал Чарльз Уоллес. – Это мое новое слово на этот день. Неплохо, да?

– Невероятно, – откликнулась миссис Мурри. – Мэг, поди-ка сюда, дай мне взглянуть на твой синяк.

Мэг встала перед мамой на колени. Свет и тепло на кухне успокоили ее настолько, что почти забылись страхи на чердаке. От кастрюльки шел ароматный дух какао, в горшках на подоконниках пышно цвела герань, и посередине стола стояла ваза с букетом изящных желтых хризантем. Красные занавески с сине-зелеными геометрическими узорами были плотно задернуты, создавая атмосферу безопасности и уюта. Огонь в камине мурлыкал, как большой сонный зверь, лампы горели ровно и ярко. И хотя где-то снаружи, за стенами дома, ветер ярился по-прежнему, его жестокая сила, так напугавшая Мэг, когда она была одна наверху, уже не казалась такой страшной благодаря знакомому уюту кухни. Фортинбрас, перебравшийся под кресло к миссис Мурри, довольно вздохнул.

Миссис Мурри осторожно прикоснулась к синяку на лице Мэг. Девочка смотрела на нее снизу вверх, охваченная смесью немного обожания и смущения. Это было совсем не просто – иметь такую удивительную маму, которая была не только талантливым ученым, но и настоящей красавицей. Пламенно-рыжие волосы миссис Мурри, белая гладкая кожа и фиалковые глаза в обрамлении длинных ресниц казались еще более прекрасными в сравнении с невыносимой, бездарной бесцветностью Мэг. Волосы у Мэг не торчали дыбом только в том случае, если их туго-натуго заплетали в две косички. Когда она пошла в средние классы, их постригли, и теперь короткие пряди ни за что не желали укладываться в прическу, отнюдь не добавляя Мэг привлекательности.

– Ты так и не постигла, что такое терпение, моя милая? – спросила миссис Мурри. – Да, хотела бы я знать, научишься ли ты хоть когда-нибудь держаться золотой середины. А этот мальчишка Хендерсонов поставил тебе жуткий синяк. Кстати, не успела ты пойти спать, как мне позвонила его мама и стала кричать, что ты изуродовала ее сыночка. Я возразила, что, коль скоро он на год старше тебя и по меньшей мере на десять килограмм тяжелее, это не она должна жаловаться, а я. Но судя по всему, она считает, что это ты во всем виновата.

– По-моему, это зависит от точки зрения, – сказала Мэг. – Как правило, все считают виноватой меня независимо от того, как все было на самом деле, даже если я вообще ничего не сделала. Но я жалею, что так на него набросилась. Это просто неделя выдалась ужасная. И я была ужасно злая.

– А ты понимаешь, почему? – спросила миссис Мурри, ласково глядя ее по взъерошенным лохмам.

– Я терпеть не могу быть белой вороной. И я знаю, что это не нравится Санди и Денису тоже. Я до сих пор не могу понять, действительно они такие, как все, или только притворяются. Я вот пыталась притворяться, да ничего хорошего не выходит.

– Ты слишком прямодушная личность, чтобы пытаться притвориться тем, кем на самом деле не являешься, – уверенно заявила миссис Мурри. – Мне очень жаль, Мэгги. Может быть, папа смог бы тебе помочь, если бы был здесь, но я, боюсь, бессильна что-то сделать, пока ты не подрастешь немного. Тогда все станет для тебя проще. Но это мало утешает тебя сейчас, верно?

– Может, если бы я не была такой уродиной, может, если бы я была такой же симпатичной, как ты...

– Мама не просто симпатичная, она прекрасная, – провозгласил Чарльз Уоллес, намазывая новый бутерброд. – Из чего я могу сделать вывод, что в твоём возрасте она выглядела просто жутко.

– И будешь совершенно прав, – кивнула миссис Мурри. – Просто дай себе достаточно времени, Мэг.

– Мама, тебе положить салат? – предложил Чарльз Уоллес.

– Нет, спасибо.

Мальчик аккуратно порезал бутерброд на кусочки, положил на тарелку и поставил перед мамой.

– Сейчас я и тебе приготовлю, Мэг. Думаю, надо поговорить о тебе с миссис Что-такое.

– Кто это: миссис Что-такое? – удивилась Мэг.

– Думаю, что некоторое время она была эксклюзивным вариантом, – загадочно ответил Чарльз Уоллес. – Лук, соль?

– Да, пожалуйста.

– А чем занимается миссис Что-такое? – поинтересовалась миссис Мурри.

– Это так ее зовут, – отвечал Чарльз Уоллес. – Знаешь тот старый заброшенный дом с провалившейся крышей в лесу? Дети еще боятся туда ходить из-за привидений? Вот там они и живут.

– Они?

– Миссис Что-такое и две ее подруги. Пару дней назад я гулял в лесу с Фортинбрасом: вы с близнецами тогда были в школе, Мэг. Мы с нашим псом любим гулять в лесу, и вдруг он погнался за белкой, а я за ним, и мы выскочили прямо к дому с привидениями, так что можно сказать, что я повстречался с ними случайно.

– Но там же никто не живет! – воскликнула Мэг.

– А миссис Что-такое и ее подруги живут. Они очень приятные дамы.

– А почему ты до сих пор ничего мне об этом не говорил? – удивилась миссис Мурри. – И ты отлично знаешь, что я не разрешаю тебе уходить за ограду без разрешения, Чарльз.

– Знаю, – кивнул Чарльз. – И это одна из причин, по которой я тебе ничего не сказал. Я просто не подумал о запрете, когда погнался за Фортинбрасом. И тогда я решил: ну что ж, все равно я их приберегу на крайний случай.

Новый удар ветра так налетел на стену, что весь дом содрогнулся, и в тот же миг окна залили потоки дождя.

– Что-то не нравится мне этот ветер, – с тревогой заметила Мэг. – Наверняка с крыши сорвет пару кусков жести.

– Мэг, этот дом уже простоял целым и невредимым две сотни лет, – возразила миссис Мурри, – и я думаю, что он продержится еще немного. Этот холм встречает уже не первую бурю на своем веку.

– Но сегодня же это ураган! – жалобно заныла Мэг. – По радио все время повторяли про ураган!

– На дворе октябрь, – не сдавалась миссис Мурри. – А в октябре всегда бывают штормы.

Не успел Чарльз Уоллес передать Мэг ее бутерброд, как Фортинбрас выскочил из-под стола. Он низко угрожающе зарычал, и все увидели, как шерсть у него на загривке встала дыбом. Мэг почувствовала, как по спине побежали мурашки.

– Что случилось? – испуганно воскликнула она.

Фортинбрас не сводил взгляда с двери в старую лабораторию миссис Мурри, под которую переделали бывшую маслобойню. Из нее дверь выходила на задний двор, однако миссис Мурри давно приучила свою семью попадать в дом либо через парадное крыльцо, либо через дверь гаража, но не через ее лабораторию. Но Фортинбрас рычал именно на дверь в лабораторию, а не в гараж.

– Мама, ты ведь не забыла колбу с какими-нибудь особо вонючими реактивами над горелкой Бунзена? – вежливо поинтересовался Чарльз Уоллес.

– Нет, – поднялась с места миссис Мурри. – Но я все равно пойду посмотрю, что так насторожило нашего Форта.

– Это бродяга, – нервно выпалила Мэг. – Я уверена, что это бродяга!

– Какой бродяга? – спросил Чарльз Уоллес.

– Сегодня на почте все только и говорили о том, что какой-то бродяга мог украсть простыни с веревки у миссис Бунскомб.

– Ну, значит, нам сегодня не грозит спать на голых матрасах, – весело заметила миссис Мурри. – Потому что в такую погоду даже бродяга носа наружу не высунет.

– А что, если именно для того он и высунет, – захныкала Мэг, – чтобы не оставаться снаружи?

– В таком случае я предложу ему переночевать в сарае, – заявила миссис Мурри, решительно шагнув к двери.

– Я с тобой! – от испуга Мэг чуть не визжала.

– Нет, Мэг, ты останешься с Чарльзом и съешь свой бутерброд.

– Съешь! – передразнила Мэг, когда миссис Мурри скрылась в лаборатории. – И она считает, что я могу сейчас есть?

– Мама не даст себя в обиду, – возразил Чарльз Уоллес, – физически уж точно, – он уселся в папино кресло так неловко, что его ноги ударились о ножки кресла. В отличие от многих своих сверстников Чарльз Уоллес умел сидеть не шелохнувшись.

Через несколько минут, показавшихся Мэг вечностью, миссис Мурри вернулась и вежливо придержала дверь перед... Неужели это все-таки оказался бродяга?! Но по понятиям Мэг, бродяга должен был оказаться намного больше. Определить возраст и пол этого существа было невозможно из-за множества слоев намотанных на него шалей и накидок. Голова тоже пряталась под узлом из нескольких шарфов, а поверх всего этого сооружения была нахлобучена мужская шляпа. Поношенное пальто украшал накиннутый на плечи и завязанный тугим узлом ослепительно розовый паланкин, а на ногах красовались грубые коричневые ботинки.

– Миссис Что-такое, – подозрительно осведомился Чарльз Уоллес, – вы что здесь делаете? И к тому же так поздно, посреди ночи?

– Ну-ну, мой милый, не надо бояться, – раздался голос откуда-то из самой середины этого странного узла. Он был глухим и скрипучим, как несмазанная дверь, но тем не менее весьма приятным.

– Миссис... Гм... Что-такое... она сказала, что заблудилась, – пояснила миссис Мурри. – Ты не приготовишь для миссис Что-такое немного горячего шоколада?

– О, это было бы очаровательно! – с живостью отозвалась миссис Что-такое, сняв с себя шляпу и шаль. – Я бы ни за что не заблудилась, если бы ураган не сдул меня с курса. А когда я обнаружила, что оказалась рядом с домом малыша Чарльза Уоллеса, то подумала, что загляну на минуту и передохну, прежде чем продолжить путь.

– Но откуда вы узнали, что это дом Чарльза Уоллеса? – удивилась Мэг.

– По запаху! – тем временем миссис Что-такое уже успела размотать сине-зеленый шерстяной шарф, желтую бандану с цветами, и золотую бандану со статуей Свободы, и еще красно-черную бандану. Теперь было видно, что редкие седенькие волосы собраны у нее в тугий узелок на макушке. Ее глаза ярко сверкали, носик был круглый и вздернутый, а рот морщинистый, как вялое яблоко. – Ну надо же, как здесь тепло и уютно! – воскликнула она.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – миссис Мурри указала на кресло. – Хотите бутерброд, миссис Что-такое? Я ем с паштетом и сыром, у Чарльза с джемом, а у Мэг с помидором.

– Нет, дайте-ка мне подумать, – сказала миссис Что-такое. – Ах, да, я вспомнила, что обожаю бутерброды с русской икрой!

– Вы подсматривали! – заявил Чарльз Уоллес. – Мы держим банку на мамин день рождения, и вам она не достанется!

Миссис Что-такое издала длительный горестный вздох.

– Нет! – отрезал Чарльз Уоллес. – И ты, мама, учти и не поддавайся ей, не то я жутко разозлюсь. Как насчет салата с тунцом?

– Сойдет, – благодушно согласилась миссис Что-такое.

– Я принесу, – и Мэг поспешила в кладовку за банкой консервированного тунца.

Ничего себе! Какая-то тетка вломилась к ним в дом в ураган посреди ночи, и мама ведет себя с ней так, будто такое случается сплошь и рядом! Как пить дать, она и есть тот самый бродяга! Мэг готова была поспорить на что угодно: именно она сперла те простыни! И она явно не подходила на роль близкой подруги Чарльза Уоллеса, который вообще не разговаривает с чужими!

– Я совсем недавно поселилась тут по соседству, – трещала без умолку миссис Что-такое, пока Мэг выключила свет в кладовке и вернулась на кухню с банкой тунца, – и даже не думала, что кто-то из соседей придется мне по душе, пока милый Чарльз не налетел на нас со своей собакой.

– Миссис Что-такое, – строго осведомился Чарльз Уоллес, – почему вы сперли простыни у миссис Бунскомб?

– Ну... Они были мне нужны, милый Чарльз.

– Вам следует вернуть их немедленно!

– Но Чарльз, дорогой, я не могу! Я их использовала!

– Это очень нехорошо с вашей стороны, – упрекнул Чарльз Уоллес. – Если вам так до зарезу понадобились простыни, вы могли бы обратиться ко мне!

– Но ты не смог бы одолжить мне пару простынок, – с ухмылкой потупилась миссис Что-такое. – А миссис Бунскомб могла.

Мэг уже накрошила сельдерей и принялась смешивать его с тунцом. Немного поколебавшись, она все же достала из холодильника открытую баночку мелких сладких пикулей. Все еще удивляясь тому, как покорно она готовит салат для этой тетки, которой не доверяет ни на грош, девочка порезала пикули.

– Объясни сестре, что меня не надо бояться, – обратилась к Чарльзу Уоллесу миссис Что-такое. – Скажи, что у меня благие намерения.

– Благими намерениями выстлана дорога в ад, – наставительно сообщил Чарльз Уоллес.

– Ах, какой умничка! – так и просияла миссис Что-такое. – И какая удача, что рядом есть кто-то, кто его понимает!

– Но я боюсь, что это не так, – возразила миссис Мурри. – Никто из нас толком не понимает Чарльза.

– Но вы же, по крайней мере не пытаетесь его раздавить, – истово закивала миссис Что-такое. – Вы позволяете ему оставаться самим собой.

– Вот, угощайтесь, – и Мэг протянула миссис Что-такое готовый бутерброд.

– Вы не возражаете, если я разуюсь перед приемом пищи? – спросила миссис Что-такое, уже успев откусить от бутерброда изрядный кусок. – Вот, послушайте, – она пошевелила ногами в башмаках, и все услышали, как в них хлюпает вода. – У меня промокли ноги. Но главная неприятность в том, что эти башмаки мне тесноваты и я не могу стянуть их с ног сама!

– Давайте, я помогу, – предложил Чарльз.

– Нет, не ты. У тебя силы не хватит.

– Лучше я, – миссис Мурри опустила на пол рядом с гостьей и ухватилась за мокрый башмак. Он соскочил с ноги внезапно, рывком, отчего миссис Мурри плюхнулась прямо

на пол. Миссис Что-такое вместе с креслом отлетела в другую сторону, отчаянно стиснув бутерброд в морщинистой руке, похожей на птичью лапу. В башмаке оказалось столько воды, что по полу и ободранному ковру растеклась целая лужа.

– Ох, батюшки! – воскликнула миссис Что-такое, лежа на спине в опрокинутом кресле: ноги задраны вверх, одна в носке в яркую белую и красную полоску и другая все еще обута.

– Вы не ушиблись, миссис Что-такое? – спросила миссис Мурри, поднявшись на ноги.

– Если у вас есть подходящий бальзам, я бы не возражала, чтобы вы наложили его на мое достоинство, – отвечала миссис Что-такое, все еще лежа вверх тормашками. – Похоже, оно изрядно пострадало. Немного чеснока и шпината, растертых в масле, будет в самый раз, – и она откусила от бутерброда.

– Пожалуйста, поднимитесь, – попросил Чарльз Уоллес. – Мне неприятно видеть, как вы там лежите. Вы как будто улетели от нас куда-то вдаль.

– А ты хоть раз пытался встать на ноги после того, как твое достоинство пострадало? – однако миссис Что-такое проворно поднялась, поставила на ножки кресло, уселась на пол, выставила вперед обутую ногу и откусила от бутерброда. Для такой пожилой на вид женщины она двигалась на удивление ловко. По крайней мере, у Мэг не оставалось сомнений в том, что перед нею именно старая женщина, по-настоящему старая.

А миссис Что-такое с полным ртом обратилась к миссис Мурри:

– Дерните еще раз, пока я все равно на полу и не могу упасть.

С таким невозмутимым видом, будто эта старушка с ее башмаками – совершенно привычное для нее явление, миссис Мурри тянула до тех пор, пока промокший башмак не слез с ее ноги. На этой ноге красовался уже не шерстяной, а акриловый носок в синюю и серую полоску. С довольным видом пошевелив пальцами в носках, миссис Что-такое прикончила бутерброд и вскочила на ноги.

– Ах, – вырвалось у нее, – вот так-то лучше! – она подняла свои башмаки и вылила из них остатки воды в раковину. – Теперь, когда я набила живот и согрелась изнутри и снаружи, самое время вернуться домой!

– Разве вы не хотели бы подождать до утра? – удивилась миссис Мурри.

– Ох, спасибо вам, милочка, но у меня так много дел, что я не могу позволить себе прохладиться здесь и терять время.

– Но это слишком бурная ночь для путешествий.

– Бурные ночи – это мой конек! – заявила миссис Что-такое. – Просто я застряла в нижнем потоке, и меня сдуло с курса.

– Ну, тогда подождите хотя бы, пока не высохнут ваши носки...

– Мне все равно, какие у меня носки. Но я терпеть не могу, когда вода хлупает в башмаках. Так что можешь не беспокоиться обо мне, ягненок! (Вряд ли кому-то еще пришлось бы в голову обратиться к миссис Мурри именно так: ягненок!) Я всего лишь присяду на минутку, чтобы натянуть башмаки обратно, и отправлюсь своей дорогой.

Кстати, о дороге, деточка! Есть на свете и такая штука, как тессеракт!

Миссис Мурри побелела, как мел, и на ощупь пошарила рукой у себя за спиной, чтобы опереться о кресло. Ее голос предательски задрожал:

– Что вы сказали?

– Я сказала, – пропыхтела миссис Что-такое, натягивая на ногу уже второй башмак, – что есть на свете, – рывок, – и такая штука, – рывок, – как тессеракт! – притопнув обутой ногой, она проворно подхватила ворох шалей, шарфов и бандан и двинулась к выходу.

Миссис Мурри замерла совершенно неподвижно, не делая попыток помочь пожилой гостье. Как только дверь распахнулась, в дом влетел запыхавшийся Фортинбрас, весь мокрый, как тюлень. Он поднял глаза на миссис Мурри и заскулил.

Дверь с грохотом захлопнулась.

– Мама, что с тобой? – всполошилась Мэг. – Что она сказала? Что это значит?

– Тессеракт... – прошептала миссис Мурри. – Что она имела в виду? Откуда она могла узнать?

Глава 2

Миссис Кто

Когда на следующее утро Мэг разбудило дребезжание будильника, ветер все еще не угомонился, но за окном уже сверкало солнце. Гроза миновала. Она уселась в кровати и потрясла головой, стараясь стряхнуть остатки сна.

Несомненно, все это ей приснилось. Она была испугана ураганом и сплетнями про бродягу, вот ей и приснилось, будто она была на кухне и видела эту миссис Кто-такое, которая так напугала и встревожила ее маму одним странным словом... Что же за слово это было? Тесс... Тесс-что-то там...

Она торопливо кинулась одеваться. Безжалостно скинула котенка с кровати на пол, чтобы поправить одеяло. Котенок потянулся, зевнул, жалобно мяукнул и потрусил вниз с чердака. Мэг, кое-как убрав кровать, тоже поспешила вниз. На кухне мама уже готовила тосты, а близнецы сидели за столом. Котенок лакал из блюдечка молоко.

– А где Чарльз? – спросила Мэг.

– Еще не встал. Как ты помнишь, ночь выдалась нелегкая.

– А я-то надеялась, что это мне приснилось, – промямлила Мэг.

Мама с нарочитой аккуратностью перевернула ломтики хлеба и только после этого ответила:

– Нет, Мэг. Не надейся. Это не сон. И хотя я понимаю во всем этом не больше твоего, одно мне ясно: вовсе не обязательно понимать какие-то вещи для того, чтобы они *случились*. Прости, если я напугала тебя своей реакцией. Но мы с твоим папой часто шутили насчет тессеракта.

– А что такое тессеракт? – тут же спросила Мэг.

– Это такая идея, – миссис Мурри поставила перед близнецами сироп. – Я постараюсь объяснить ее тебе позднее. А сейчас надо собираться в школу.

– Не понимаю, почему вы нас не разбудили! – посетовал Деннис. – Это нечестно. Мы же пропустили все веселье!

– Зато сегодня вы будете в школе не такие сонные, как я, – и Мэг взяла с блюда горячий тост.

– Да кому до тебя дело! – презрительно отрезал Санди. – Мама, если тебе так уж необходимо пускать среди ночи в дом всяких побирушек, то, по крайней мере, в следующий раз позови Дена или меня, чтобы было кому за тебя постоять.

– В конце концов, папа ждал бы от нас именно этого, – подхватил Деннис.

– Мы знаем, мама, какая ты у нас умная и все такое, – добавил Санди, – но все же ты не всегда понимаешь, *что к чему*. А Чарли с Мэг и того меньше!

– Ну конечно! Мы полные идиоты, – язвительно парировала Мэг.

– Мэг, ну почему ты вечно бросаешься в крайности? Вот, возьми сироп, – и Санди протянул его через стол. – Вовсе не обязательно все и всегда принимать только на свой счет. Знаешь, что такое золотая середина? Вот и попробовала бы ей научиться вместо того, чтобы бродить по школе с кислой рожей и делать вид, что все тебе до лампочки.

– Ты же сама себе все осложняешь, – присоединился к брату Деннис. – Точно так же, как Чарльзу Уоллесу будет несладко на следующий год, когда он пойдет в школу. Мы-то знаем, что он чертовски умный парень. Но когда он ведет себя так по-идиотски с другими людьми, они и начинают считать его идиотом. И я никак не могу вдолбить ему это в голову. Конечно, мы с Санди вышибем дух из любого, кто посмеет его дразнить, но толку от этого мало.

– Давайте сперва проживем этот год, а потом будем беспокоиться о следующем, – предложила миссис Мурри. – Еще тостов хотите?

Весь день в школе Мэг едва соображала, а в глаза словно насыпали песка. На общественных науках ее попросили перечислить основные объекты экспорта и импорта в Никарагуа, и хотя накануне вечером она старательно прочитала статью в учебнике, сегодня не смогла вспомнить из нее ни слова. Учительница не скрывала своего раздражения, а весь класс так издевательски хохотал, что она молча плюхнулась на место, сгорая от ярости.

– Кому какое дело до того, что там ввозят и вывозят из этого Никарагуа? – бормотала она.

– Если будешь грубить, Маргарет, тебе придется выйти из класса, – сказала учительница.

– Вот и отлично! – и Мэг вылетела в коридор.

На следующем уроке ее вызвал классный руководитель.

– Что возмутило тебя на этот раз, Мэг? – благожелательно осведомился он.

– Ничего, мистер Дженкинс, – отвечала она, не поднимая глаз.

– Мисс Портер сказала, что ты ей нагрубила.

Мэг молча пожала плечами.

– Неужели ты не понимаешь, что своим упрямством только осложняешь собственную жизнь? – спросил учитель. – Послушай, Мэг, я совершенно уверен, что если ты постараться, то сумеешь перейти в следующий класс без проблем, но некоторые учителя так не думают. Тебе нужно что-то с этим делать. Никто не сделает это за тебя, – Мэг не проронила ни слова. – Как ты думаешь, Мэг?

– Я не знаю, что делать, – призналась Мэг.

– Для начала ты могла бы сделать домашнее задание. Разве твоя мама тебе не поможет?

– Если попрошу.

– Мэг, тебя что-то тревожит? У тебя неприятности дома?

На этот раз Мэг не выдержала и уставилась на него, привычным жестом поправив очки.

– У меня дома все прекрасно.

– Рад это слышать. Но я не сомневаюсь, что тебе нелегко дается отсутствие отца.

Мэг, машинально проведя кончиком языка по скобкам на зубах, окинула учителя настороженным взглядом.

– Вы до сих пор не получали о нем известий?

Мэг готова была поспорить на что угодно: под напускным сочувствием мистера Дженкинса крылось самое откровенное злорадное любопытство. Ах, как бы он был рад узнать что-то первым! Да она скорее лопнет, чем скажет ему хоть слово об отце!

Та тетка на почте отлично знает, что прошел почти год с того дня, как они получили последнее письмо, и уж она-то не стеснялась трепаться об этом со всеми подряд, заодно излагая свои уродские домыслы по поводу причины столь странного молчания.

Мистер Дженкинс вежливо умолк в ожидании ответа, но Мэг только пожала плечами.

– А чем, собственно, занимался твой папа? – поинтересовался мистер Дженкинс. – Он был кем-то вроде ученого, не так ли?

– Он был физиком-теоретиком, – Мэг так осклабилась, чтобы были видны ее ужасные скобки.

– Мэг, а тебе не кажется, что тебе будет легче идти по жизни, если ты научишься принимать факты такими, какие они есть?

– Я очень люблю факты, – отрезала Мэг. – И могу вам признаться, что иметь дело с фактами намного легче, чем с людьми!

– Но тогда почему же ты не желаешь признать факты относительно твоего отца?

– Оставьте моего отца в покое! – выкрикнула Мэг.

– Не кричи! – одернул ее учитель. – Хочешь, чтобы вся школа тебя услышала?

– А то что? – не унималась Мэг. – Я не стыжусь ни одного своего слова! А вы?

– Неужели тебе самой приятно делать из себя самую упрямую и невоспитанную ученицу в нашей школе? – с сокрушенным вздохом произнес мистер Дженкинс.

Но Мэг уже понесло. Она навалилась на стол, вплотную наклонившись к лицу учителя.

– Мистер Дженкинс, вы ведь знакомы с моей мамой, не так ли? И ее вы не посмеете обвинить в том, что она не желает признавать факты? Она – ученый. У нее две докторские степени: по биологии и микробиологии. Факты – это ее бизнес! И когда она скажет мне, что папа не вернется, я ей поверю. Но пока она говорит, что папа вернется, я тоже буду в это верить!

Мистер Дженкинс опять испустил сокрушенный вздох.

– Наверняка твоя мама просто очень хочет верить в то, что твой папа вернется, Мэг. И я ничего не могу с тобой поделать. Ступай назад, в класс. И постарайся поменьше перечить учителям. Может быть, тогда тебе удастся исправить свои оценки.

Когда Мэг вернулась домой, мама сидела у себя в лаборатории, близнецы были на тренировке, а Чарльз Уоллес, котенок и Фортинбрас ждали ее. Фортинбрас подпрыгнул, поставил передние лапы ей на плечи и поцеловал, а котенок кинулся к своему пустому блюду и замяукал.

– Скорее! – воскликнул Чарльз Уоллес. – Идем!

– Куда? – сердито спросила Мэг. – Чарльз, я есть хочу. И я не тронусь с места, пока что-нибудь не съем, – она все еще не остыла после разговора с мистером Дженкинсом, и в ее голосе звучал подавленный гнев. Чарльз Уоллес молча следил за ней, пока она подошла к холодильнику и налила котенку молока, а потом сама выпила целую кружку.

– Вот, здесь бутерброд, пирожки и яблоки, – сказал он, протягивая сестре бумажный пакет. – По-моему, нам лучше пойти повидаться с миссис Что-такое.

– Какого черта! – вырвалось у Мэг. – Зачем, Чарльз?

– Ты ведь все еще ей не доверяешь, верно? – спросил мальчик.

– В общем-то, да.

– А зря. С ней все в порядке. Я тебе обещаю. Она на нашей стороне.

– С чего ты это взял?

– Мэг, – нетерпеливо ответил он, – я просто *знаю*.

– Но какого черта нам нужно идти к ней именно сейчас?

– Я хочу знать как можно больше про этот самый тессеракт. Ты разве не видела, как мама расстроилась? Ты же знаешь: если уж мама не смогла себя сдержать и при нас расстроилась, это неспроста.

Мэг на минуту задумалась.

– Ладно, пойдем. Но только возьмем с собой Фортинбраса.

– А как же! Ему полезно пробежаться.

И они отправились в путь. Фортинбрас радостно носился по дороге, то забегая вперед, то возвращаясь к детям. Дом Мурри стоял в добрых пяти километрах от окраины городка. Сразу за оградой их участка начинался сосновый бор, по которому Чарльз Уоллес уверенно вел Мэг.

– Чарльз, ты хоть понимаешь, что у нее будут большие неприятности – я имею в виду миссис Что-такое, – если станет известно, что она поселилась в доме с привидениями? И к тому же стянула простыни у миссис Бунскомб, и черт знает, что еще. Они запросто упекут ее в тюрьму.

– И это еще одна причина, по которой я бы хотел их предупредить.

– Их?

– Я же сказал тебе: она там с двумя подругами. Я даже не уверен, что это именно миссис Чо-такое сперла простыни, хотя она вполне на такое способна.

– Но что она собирается делать с такой кучей простынь?

– Я сам хочу ее спросить, – сказал Чарльз Уоллес, – и предупредить их об осторожности. Не думаю, правда, что они позволят кому-то себя поймать, но мы все равно должны подумать и о такой возможности. Иногда на каникулах мальчишки ходят туда, чтобы пугать друг друга, но сейчас там вряд ли кого-то застанешь из-за баскетбола и школы.

Они какое-то время шли молча под пологом благоуханного леса, неслышно ступая по опавшим сосновым иголкам. Высоко над ними ветер пел свою песню среди ветвей. Чарльз Уоллес просунул ладошку в руку Мэг, и этот трогательный детский жест задел какую-то струнку в душе у Мэг, так что тугой узел у нее в груди начал потихоньку распускаться. Она знала, что Чарльз любит ее такой, какая она есть.

– Сегодня опять было плохо в школе? – спросил он ее.

– Да. Я поругалась с мистером Дженкинсом. Он говорил гадости о папе.

– Знаю, – серьезно кивнул Чарльз Уоллес.

– Но как ты узнал?

– Я не могу этого объяснить, – Чарльз Уоллес покачал головой. – Ты как будто сама мне говоришь, вот и все.

– Но я же ничего не говорила! Тебе только кажется, что ты знаешь!

– Я всегда знаю о тебе все, – сказал Чарльз.

– А как же близнецы? – спросила Мэг. – Ты и про них тоже все знаешь?

– Думаю, я мог бы, если бы захотел. Если бы я им был нужен. Но это не так-то просто, и я думаю только о тебе и о маме.

– Ты хочешь сказать, что читаешь наши мысли?

– Нет, не думаю, что это так, – смутился Чарльз Уоллес. – Это как читать на чужом языке. Например, если я очень сильно постараюсь, то начинаю понимать, о чем ветер шепчется с соснами. И ты как будто говоришь мне непред... непредумышленно. Это хорошее слово, да? Я опять сегодня просил маму посмотреть для меня кое-какие слова в словаре. Наверное, мне давно пора научиться читать самому, только боюсь, что тогда на следующий год мне станет еще хуже в школе – ведь я уже все буду знать сам. По-моему, лучше пусть люди продолжают считать, что я не очень-то умный. Тогда они не будут так меня ненавидеть.

Где-то впереди громко залаял Фортинбрас. Это был тревожный лай: так он предупреждал хозяев, что к дому подъезжает машина или что кто-то приблизился к двери.

– Здесь кто-то есть, – испуганно воскликнул Чарльз Уоллес. – Кто-то бродит возле дома! Бежим! – и он что было сил припустился бежать. На опушке Фортинбрас заливался лаем, стоя перед каким-то мальчишкой.

Они, запыхавшись, побежали к ним, и мальчишка сказал:

– Скажите своей собаке, чтобы заткнулась!

– Это кто такой? – спросил у Мэг Чарльз Уоллес.

– Это Кельвин О'Кифи. Он в сборной школы по баскетболу, но учится на год старше. Он у нас восходящая звезда.

– Я же свой, старик! Я тебя не трону! – обратился мальчик к Фортинбрасу.

– Форт, сидеть! – скомандовал Чарльз Уоллес, и пес послушно уселся, но не сводил настороженного взгляда с чужака. В его пушистом горле все еще клочкотало низкое рычание.

– Ну, так, – Чарльз Уоллес по-хозяйски упер руки в бока. – А теперь говори, чего тебе здесь надо.

– Я могу спросить вас о том же самом! – мальчишка явно начинал злиться. – Вы ведь из семьи Мурри, верно? Но это уже не ваша земля! – он двинулся было прочь, но Фортинбрас зарычал так, что ему пришлось остановиться.

– Расскажи мне все, что знаешь о нем, Мэг, – велел Чарльз Уоллес.

– А что я могу о нем знать? – удивилась Мэг. – Он старше меня, и он нападающий в баскетбольной команде.

– Только от того, что я выше остальных, – с некоторым смущением добавил Кельвин. Он действительно был высокий для своих лет и ужасно костлявый. Худые запястья торчали из рукавов свитера, а потертые вельветовые брюки не закрывали лодыжек. Рыжие волосы давно нуждались в стрижке, а лицо покрывала целая россыпь веснушек. Зато глаза сияли необычайной яркой голубизной.

– Говори, что ты здесь делаешь, – произнес Чарльз Уоллес.

– Это что, урок? Разве это я тут считаюсь болваном, а не ты?

Мэг моментально разъярилась, но Чарльз Уоллес на удивление добродушно ответил:

– Да, ты прав. Но если ты хочешь, чтобы я отозвал собаку, то лучше отвечай.

– Для болвана ты чертовски умен! – сказал Кельвин. – Я просто хотел удрать подальше от своей семейки.

– А что у тебя за семейка? – кивнул Чарльз Уоллес.

– У них у всех сопливые носы. Я третий по счету, а всего нас одиннадцать. И я вундеркинд.

– И я тоже, – просиял Чарльз Уоллес.

– Это не имеет отношения к спорту, – уточнил Кельвин.

– И у меня тоже.

– Я скорее имел в виду биологию, – неуверенно добавил Кельвин.

– Изменения в генах, – бойко процитировал Чарльз Уоллес, – проявляются у потомства в признаках, несвойственных родителям, но передаваемых следующим поколениям.

– Ушам не верю! – вырвалось у Кельвина. – Мне же рассказывали, что ты вообще говорить не умеешь!

– Считая меня болваном, люди могут надо мной смеяться, – сказал Чарльз Уоллес. – И зачем мне их разочаровывать? Тебе сколько лет, Кел?

– Четырнадцать.

– А в каком ты классе?

– В седьмом. Я первый ученик. Слушай, вас никто не звал прийти сюда сегодня?

Чарльз Уоллес, все еще удерживая Фортинбраса за загривок, впери в Кельвина недоверчивый взгляд.

- Что это значит – звал?
- Ты все еще мне не веришь? – пожал плечами Кельвин.
- Я вообще недоверчивый.
- Так значит, ты мне не скажешь, зачем сюда пришел?
- Мы с Мэг и Фортм решили прогуляться. Обычное дело. Мы часто гуляем втроем.
- Ты что-то от меня скрываешь, – Кельвин с недовольным видом сунул руки в карманы.
- И ты тоже, – парировал Чарльз Уоллес.
- Ладно, дружище вундеркинд, – сказал Кельвин. – Я расскажу тебе вот что. Иногда у меня бывает что-то вроде предчувствия. Даже скорее побуждения. Ты ведь знаешь, что такое побуждение?

– «Выполнение некоего навязанного действия. Вынужденный поступок». Не очень точное определение, но это все, что есть в Оксфордском словаре.

– Ладно, ладно, – Кельвин вздохнул. – Я опять забыл, что поддался неверному представлению о твоих способностях.

Мэг тем временем опустилась на пяточок жесткой травы на опушке. Форт деликатно высвободил свою шкуру из пальцев Чарльза Уоллеса и подобрался к ней: улегся рядом и положил голову на колени хозяйке.

Кельвин изо всех сил старался быть вежливым и обращался не только к Чарльзу Уоллесу, но и к Мэг.

– Когда у меня возникает это предчувствие, это побуждение, я всегда выполняю все, что оно мне подсказывает. Я не могу объяснить, откуда оно приходит и как я его улавливаю, ведь это бывает очень редко. Но тем не менее я подчиняюсь. И вот сегодня у меня возникло предчувствие, что я должен побывать в доме с привидениями. Это все, что я знаю, малыш. Я ничего от тебя не скрывал. Может быть, я как раз и должен был встретить здесь тебя. А теперь твоя очередь.

Чарльз Уоллес еще какое-то время придиричиво рассматривал Кельвина, затем взгляд его затуманился, как будто он пытался погрузиться в его мысли. Кельвин стоял, не шелохнувшись, и терпеливо ждал.

– Хорошо, – наконец выдал Чарльз Уоллес. – Я тебе верю. Но все равно не могу тебе рассказать. Наверное, я был бы рад тебе довериться. И для начала ты пойдешь к нам и пообещаешь.

– Я-то согласен, но... что скажет ваша мама? – спросил Кельвин.

– Она будет очень рада. С нашей мамой все в порядке. Конечно, она не такая, как мы. Но она все понимает.

– А как насчет Мэг?

– Мэг придется привыкать, – сказал Чарльз Уоллес. – Она не может сразу с чем-то смириться.

– Что это значит – не такая, как мы? – сердито осведомилась Мэг. – И что это значит – с чем-то смириться?

– Ох, только не заводишься сейчас, Мэг, – сказал Чарльз Уоллес. – Повремени. Я потом все тебе объясню, – он коротко глянул на Кельвина и принял какое-то решение. – Ладно, давай возьмем его с собой и познакомим с миссис Что-такое. И если с ним что-то не так, она сразу узнает, – и он зашагал во всю прыть своих маленьких ног в сторону заброшенного дома.

Дом с привидениями стоял наполовину скрытый в тени от разросшихся вокруг вязов. Сейчас их ветви были почти голыми, и земля возле дома была покрыта толстым слоем желтых листьев. Послеполуденный свет казался каким-то зеленоватым, отражаясь в пыльных оконных стеклах. Ставня без защелки хлопала на ветру. Что-то жалобно скрипело. Мэг несколько не удивилась тому, что этот дом считался населенным призраками.

Передняя дверь была крест-накрест заколочена досками, однако Чарльз Уоллес уверенно повел их к заднему крыльцу. На первый взгляд и эта дверь тоже была заколочена, но Чарльз Уоллес постучал, и дверь распахнулась, отчаянно скрипя ржавыми петлями. Где-то в кроне высоченной ели с возмущенным карканьем сорвался с места огромный ворон, а дятел выдал на соседнем стволе оглушительную барабанную дробь. Здоровенная серая крыса промчалась мимо них и скрылась за углом дома, отчего у Мэг вырвался испуганный крик.

– Они так развлекаются, используя самые типичные предрассудки и стереотипы, – успокаивающе объяснил Чарльз Уоллес. – Не бойтесь. Идите за мной.

Кельвин твердой рукой поддержал Мэг под локоть, а Форт прижался к ноге. Их поддержка была так приятна, что паника мигом испарилась, и она бестрепетно шагнула следом за Чарльзом Уоллесом в затхлую тьму старого дома.

Они оказались в каком-то подобии кухни. По крайней мере, здесь бросался в глаза огромный очаг, в котором над едва тлеющим огнем висел большой закопченный котел. Но почему же тогда из трубы над крышей не шел дым? В котле что-то громко булькало, и запах от этого варева скорее походил на испарения от химических экспериментов миссис Мурри, чем на готовящуюся еду. В старом кресле сидела маленькая толстушка. Поскольку это явно была не миссис Что-такое, Мэг решила, что видит одну из ее подруг. Она щеголяла в огромных очках: стекла в них были в два раза толще и в два раза больше, чем в очках у Мэг, – и что-то шила мелкими торопливыми стежками на простыне. Еще несколько простынь валялось скомканные на пыльном полу.

Чарльз Уоллес уверенно двинулся к ней.

– Я совершенно уверен, что вам не следовало брать простыни миссис Бунскомб, не посоветовавшись со мной! – заявил он таким сердитым и надменным тоном, каким только могут говорить маленькие мальчишки. – И зачем же они вам понадобились?

– Ах, Чарли, деточка! – просияла при виде малыша маленькая толстушка. – *Le couer a ses raisons que la raison ne connait point*. Это по-французски. Паскаль. «Сердце имеет свои основания, которых ум не знает».

– Но это совершенно недопустимо! – возмутился Чарльз Уоллес.

– Твоя мама со мной согласится, – казалось, что улыбка лучилась через самые стекла очков.

– Я говорю не о том, что думает моя мама о моем папе! – сердился Чарльз Уоллес. – Я говорю о простынях миссис Бунскомб.

Толстушка вздохнула. Ее чудовищные очки снова поймали солнечный луч и сверкнули, как совиные глаза.

– На случай, если нам потребуются привидения, конечно! – сказала она. – Я надеялась, что ты сам додумаешься. Если уж нам придется кого-то напугать, то миссис Что-такое непременно пожелает сделать все, как положено. А иначе какая нам радость торчать в доме с привидениями? Но мы никак не думали, что ты узнаешь про простыни. *Auf frischer Tat ertappt*. Это по-немецки. *In flagrante delicto*. Это по-латыни. «Пойман на месте преступления». Как я уже сказала...

– Миссис Кто, – прервал ее Чарльз Уоллес с повелительным жестом, – вы знаете этого мальчика?

– Добрый день, мэм, – поклонился Кельвин. – Боюсь, я не совсем точно расслышал ваше имя.

– Миссис Кто – вполне сойдет, – ответила женщина. – Это была не моя идея, Чарли, но я уверена, что он хороший мальчик.

– А где миссис Что-такое? – спросил Чарльз Уоллес.

– Она очень занята. Она так ограничена во времени, Чарли, ужасно ограничена. *Ab honesto virum bonum nihil derret*. Сенека. «Ничто не удерживает честного человека от честных поступков». И он тоже очень хороший человек, Чарли, детка, но именно в этот момент ему нужна наша помощь!

– Кто он? – спросила Мэг.

– Ах, и крошка Мэгси тоже здесь! Как я рада видеть тебя, милочка! Твой папа. Кто же еще? А теперь ступайте домой, мои милые. Время еще не пришло. Не беспокойтесь, без вас мы не отправимся. Ступайте отдохните и подкрепитесь как следует. Накормите хорошенько Кельвина. А теперь идите! *Justitiae soror fides*. Опять латынь, конечно. «Вера – сестра правосудия». Верьте в нас! Идите, идите! – она соскользнула с кресла и стала подталкивать их к двери с удивительной настойчивостью.

– Чарльз, – сказала Мэг, – я ничего не понимаю.

Чарльз молча взял ее за руку и повлек прочь от дома. Фортинбрас помчался перед ними, а Кельвин зашагал рядом.

– И я, – сказал Чарльз Уоллес, – я тоже ничего не понял. Пока не понял. Но я сразу все вам скажу, как только что-то пойму. Но ведь вы сами видели Форга, правда? Он даже ни разу не зарычал. Даже шерсть на загривке не поднял. Как будто она не чужая. А значит, с ней все в порядке. Слушайте, я вас обоих прошу об одолжении. Давайте не будем обсуждать все, что случилось, пока не поедем. Мне требуется топливо, чтобы разложить все по полочкам и объяснить, хорошо?

– Валяй, болван вундеркинд! – весело откликнулся Кельвин. – Я еще ни разу у вас не был, но теперь у меня совершенно дурацкое чувство, будто я наконец-то иду домой!

Глава 3

Миссис Которая

В лесу уже начали сгущаться вечерние сумерки, и дети невольно притихли. Чарльз с Фортинбрасом затеял игру, убежав вперед. Кельвин держался рядом с Мэг, и его пальцы все еще касались ее руки, словно он старался ее защитить от чего-то.

Мэг была уверена, что это был самый сумбурный и бестолковый день в ее жизни, и тем не менее она не чувствовала ни усталости, ни разочарования. Наоборот, она была счастлива. Разве так бывает?

– Может быть, нам не суждено было встретиться раньше, – наконец сказал Кельвин. – То есть я знал, конечно, кто ты такая, по школе, но на самом деле я тебя не знал. Но я рад, что мы встретились сейчас, Мэг. И ты тоже понимаешь, что мы подружимся.

– Да, я тоже рада, – прошептала Мэг. И они опять замолчали.

Когда они дошли до дома, миссис Мурри еще не выходила из лаборатории. Она следила за тем, как бледно-голубая мутная жижа перетекает из колбы в реторту. Над бунзеновской горелкой булькал большой глиняный горшок с каким-то варевом.

– Не говорите Санди и Деннису, что я здесь готовлю, – попросила она. – Они вечно боятся, что в еду могут попасть какие-то химикаты, но я сегодня не могла отвлечься от эксперимента.

– Мама, это Кельвин О'Кифи, – сказала Мэг. – Тут хватит и на его долю? Запах просто супер.

– Привет, Кельвин, – миссис Мурри пожала мальчику руку. – Рада с тобой познакомиться. Сегодня у нас на обед только суп, но он очень наваристый.

– Вы очень добры, – ответил Кельвин. – Вы позволите позвонить моей маме, чтобы она знала, где я?

– Конечно. Мэг, будь так добра, покажи ему, где у нас телефон. Извини, что я не предлагаю тебе воспользоваться здешним аппаратом: мне нужно закончить эксперимент.

Мэг повела гостя в дом. Чарльз Уоллес с Фортинбрасом куда-то исчез. Ей было слышно, как снаружи Санди с Деннисом стучат молотками в своем доме на дереве, который строили на старом клене.

– Сюда, – Мэг прошла через кухню в гостиную.

– Сам не знаю, зачем я ей звоню каждый раз, когда задерживаюсь, – с горечью признался Кельвин. – Она все равно не заметит, – он со вздохом набрал номер. – Ма? – сказал мальчик в трубку. – Ах, это ты, Хинки. Скажи маме, что я сегодня буду поздно. И не забудь на этот раз. Я не хочу, чтобы меня снова заперли, – он дал отбой и глянул на Мэг. – Ты хоть понимаешь, как тебе повезло?

– Не так часто, как мне бы хотелось, – ответила она с довольно кривой улыбкой.

– Иметь такую маму! И такой дом! Черт побери, у тебя классная мама! Ты бы только видела мою. У нее все верхние зубы торчат наружу. Папа купил ей пластинку, но она ее не носит и весь день слоняется по дому нечесаная. Хотя даже когда она причешется, это ничего не меняет, – он стиснул кулаки и продолжил: – Но я все равно ее люблю. И это самое смешное. Я люблю их всех, а им на меня плевать с высокой башни. Может быть, поэтому я и звоню каждый раз, как задерживаюсь. Потому что мне не наплевать. В отличие от остальных. А ты даже не понимаешь, как тебе повезло.

– Наверное, я вообще об этом не задумывалась, – немного растерянно ответила Мэг. – Я просто считала, что так и должно быть.

Кельвин показался ей очень грустным, но уже в следующую секунду его лицо озарила знаменитая лучистая улыбка.

– Что-то должно случиться, Мэг! Что-то очень хорошее! Я это чувствую! – и он стал медленно осматривать их уютную, хотя и изрядно захламленную гостиную. На фортепиано стояла небольшая фотография: группа мужчин на пляже. Перед ней Кельвин задержался. – А это кто?

– А, так, группа ученых.

– Где?

– На мысе Канаверал, – ответила Мэг, подойдя поближе. – Вот это мой папа.

– Который?

– Вот.

– Тот, что в очках?

– Ага. Тот, кому давно пора постричься, – Мэг вдруг хихикнула: показывать Кельвину фотографии было так приятно, что она позабыла о своем плохом настроении. – У него волосы такого же оттенка, как у меня, и он никогда не стрижет их вовремя. Обычно за этим следит мама: она купила ножницы и машинку и стрижет его сама, потому что ему некогда терять время на парикмахеров.

Кельвин долго смотрел на фотографию и наконец решительно заявил:

– Он мне нравится. И он совсем как Чарльз Уоллес, верно?

– Да, когда Чарльз Уоллес был ребенком, он выглядел в точности как папа! – расхохоталась Мэг. – Это и правда смешно.

– Не то чтобы он был красавцем или что-то такое, – добавил Кельвин, все еще не спуская со снимка глаз, – но он мне нравится!

– Он просто слишком красивый, тебе не понять! – тут же возмутилась Мэг.

– Не-а, – спокойно возразил Кельвин. – Он высокий и костлявый, как я.

– Ну а я думаю, что ты красивый, – заявила Мэг. – И у папы глаза очень похожи на твои. Понимаешь, о чем я? Они по-настоящему синие. Только ты не сразу замечаешь это из-за очков.

– А где он сейчас?

Мэг застыла. Но ей не пришлось отвечать, потому что дверь в кухню распахнулась и вошла миссис Мурри с дымящимся супом.

– Ну вот, – объявила она. – Я доварю его как полагается, на плите. Мэг, ты приготовила уроки?

– Не до конца, – ответила Мэг, поспешив вернуться в кухню.

– Тогда я уверена, что Кельвин не обидится, если ты ненадолго оставишь его и все сделаешь до обеда.

– Конечно, не вопрос, – Кельвин порылся в кармане и достал измятый клочок бумаги. – Если уж на то пошло, мне и самому надо кое-что сделать. Математику. Это единственный предмет, с которым у меня вечно проблемы. Я отлично управляюсь там, где надо работать со словом, но с числами не дружу.

– Тогда тебе лучше обратиться к Мэг за помощью, – улыбнулась миссис Мурри.

– Но, видите ли, я на пару классов старше Мэг.

– А ты все-таки попроси ее помочь сделать математику, – снова предложила миссис Мурри.

– Да, конечно, – вежливо кивнул Кельвин. – Вот. Но это непростая задача.

Мэг разгладила бумагу и посмотрела, что там написано.

– А им важно, как именно ты это решишь? – наконец спросила она. – Ну в смысле: ты можешь решить задачу по-своему?

– Ну, я думаю, да, если смогу объяснить, что делал, и ответ сойдется.

– То-то и оно, вечно мы должны делать так, как *им* удобно. Но ты сам взгляни, Кельвин. Разве не будет гораздо легче решить ее вот так? – и ее карандаш запорхал по бумаге.

– Ух, ты! – вырвалось у Кельвина. – Ничего себе! Кажется, я усек! А ну-ка покажи мне еще раз этот способ на другой задаче!

И снова карандаш Мэг пустился вскачь.

– Все, о чем надо помнить: любую правильную дробь можно перевести в десятичную с бесконечным периодом. Вот, видишь: $\frac{3}{7}$ у нас получается равны $0,428571\dots$

– У вас в семье что, все такие гении? – Кельвин глянул на нее с восхищенной улыбкой. – Я уж думал, что больше меня ничем не удивишь, но ведь тебя в школе считают тупицей и вечно вызывают к директору.

– Да, это так.

– У Мэг проблема с математикой из-за того, – вмешалась миссис Мурри, – что они с папой привыкли играть в числа, и Мэг успела выучить очень многие короткие способы решений. А когда в школе ее насильно пытаются заставить решать задачи длинным путем, она злится и упрямится, а от этого у нее мозги как будто отключаются.

– В вашем доме есть еще такие же двоечники, как Чарльз Уоллес и Мэг? – поинтересовался Кельвин. – Я бы очень хотел с ними познакомиться!

– Было бы также неплохо, если бы у Мэг исправился почерк, – добавила миссис Мурри. – Я его кое-как разбираю и то с большим трудом, но вряд ли это удастся ее учителям – они просто не хотят тратить на это свое время. Собираюсь подарить ей на Рождество пишущую машинку. Это значительно упростит всем жизнь.

– Если на свете есть человек, который все делает неправильно, так это я, – призналась Мэг.

– Какая длина у мегапарсека? – вдруг спросил Кельвин.

– Это одно из прозвищ, которые дал мне папа, – сказала Мэг. – Мэгапарсек. Примерно 3,26 миллиона лет.

– А что такое $E=mc^2$?

– Уравнение Эйнштейна.

– Что обозначает E ?

– Энергию.

– m ?

– Массу.

– c^2 ?

– Скорость света в сантиметрах в секунду в квадрате.

– С какими странами граничит Перу?

– Понятия не имею. Но думаю, что это где-то в Южной Америке.

– Столица Нью-Йорка?

– Нью-Йорк Сити, конечно!

– Кто написал Босуэлловскую «Жизнь Сэмюэля Джонсона»?

– Да ну тебя, Кельвин, я сроду не дружила с английским.

Мальчик со стоном обратился к миссис Мурри.

– Да уж, не хотел бы я оказаться на месте ее учителей!

– Она – маленький кремь, это точно, – кивнула миссис Мурри, – но в этом я виню и ее отца, и себя тоже. Правда, она до сих пор с удовольствием играет в куклы.

– Мама! – в отчаянии вырвалось у Мэг.

– Ох, милая, прости, – запоздало спохватилась миссис Мурри. – Но я уверена, что Кельвин все понял как следует.

Кельвин вдруг так широко раскинул руки, будто собрался обнять не только Мэг с ее мамой, но весь их дом сразу, и воскликнул:

– Глазам своим не верю! Разве это не чудо? Я как будто заново родился! Я больше не одинок! Вы понимаете, как это для меня важно?

– Но ты же крутой баскетболист и все такое, – удивилась Мэг. – В школе ты первый ученик. И все тебя хвалят наперебой.

– Хвалят за всякую ерунду, – горько ответил Кельвин. – И не было на всем свете ни одного человека, ни единого, с кем я мог бы поговорить! Конечно, я общаюсь с одноклассниками и учителями, но на самом примитивном уровне, и вообще это не настоящий я.

Мэг тем временем накрывала на стол. Она достала из ящика несколько вилок и застыла, задумчиво вертя их в руках.

– Что-то я снова запуталась.

– А я-то как запутался! – подхватил Кельвин. – Но теперь я наконец-то уверен, что мы во всем разберемся!

Мэг было лестно и немного странно видеть тот восторг, с каким близнецы восприняли появление Кельвина в их доме. Они знали наперечет все его подвиги на баскетбольной площадке и явно испытывали к ним большее почтение, чем она. Кельвин съел пять тарелок супа, три жареных колбаски и с дюжину пирожков, и наконец Чарльз Уоллес потребовал, чтобы Кельвин почитал ему на сон грядущий. Близнецам, выполнившим все уроки, позволили полчаса посмотреть мультфильмы. Мэг помогла маме убрать со стола, а потом уселась заниматься. Но ей никак не удавалось сосредоточиться.

– Мама, ты все еще расстроена? – вдруг спросила она.

Миссис Мурри оторвалась от свежего выпуска английского научного журнала. Она заговорила не сразу. Но наконец призналась:

– Да.

– Почему?

И снова миссис Мурри задумалась. Она поднесла руки к глазам и стала внимательно их рассматривать. У нее были длинные, красивые и изящные, но сильные кисти. Она осторожно погладила толстое обручальное кольцо.

– Понимаешь, я ведь все еще довольно молодая женщина, – медленно начала она, – хотя знаю, что вы, дети, вряд ли это понимаете. Но я все еще очень сильно люблю вашего папу. И ужасно тоскую без него.

– И ты считаешь, что все это как-то связано с папой?

– Думаю, так оно и есть.

– Но что именно?

– А вот этого я не знаю. Но другого объяснения я не вижу.

– По-твоему, объяснить можно все и всегда?

– Да. Я верю в это. Но я также думаю, что мы, люди, слишком ограничены, а потому иногда просто не в состоянии постичь эти объяснения. Но ты ведь понимаешь, Мэг, что наша неспособность понять еще не значит, что объяснения не существует.

– Я бы хотела все понимать, – вздохнула Мэг.

– Все мы хотим. Но это не всегда возможно.

– Чарльз Уоллес понимает гораздо больше, чем все остальные, верно?

– Да.

– Почему?

– Полагаю, это потому, что он... ну, он немного другой, Мэг.

– В каком смысле другой?

– Я и сама толком не знаю. Просто ты и сама видишь, что он не такой, как все.

– Не такой. И я не хочу, чтобы он был как все, – запальчиво заявила Мэг.

– Твое желание ничего не меняет. Чарльз Уоллес таков, каков есть. Другой. Новый.

– Новый?!

– Да. Во всяком случае так чувствуем мы с твоим папой.

Мэг не замечала, что стискивает в руках карандаш, пока тот не сломался с громким треском.

– Ой, прости! – нервно хихикнула она. – Я и правда все крушу на своем пути. Но это потому, что не терплю уверток!

– Знаю.

– Но ведь Чарльз Уоллес выглядит как самый обычный ребенок!

– Это верно, Мэг, но человек – это не только внешность. Чарльз Уоллес отличается своей психикой. В этом все дело.

Мэг тяжело вздохнула, сняла очки, повертела их в руках и снова нацепила на нос.

– Ну да, я знаю, что Чарльз Уоллес другой и что он умеет гораздо больше. Наверное, мне следует просто принять это и не пытаться понять.

– Наверное, это именно то, что я пытаюсь сделать, – с улыбкой призналась миссис Мурри.

– Ну да! – недоверчиво воскликнула Мэг.

– Может быть, оттого меня и не удивила наша ночная гостья, – снова грустно улыбнулась миссис Мурри. – Может быть, мне все же удастся побороть свое неверие. Ради Чарльза Уоллеса.

– А ты... такая же, как Чарльз? – спросила Мэг.

– Я? Что ты, нет, конечно! Это верно, меня благословили неплохими мозгами и кое-какими возможностями, но во мне нет ничего такого, что выходило бы за обычные рамки.

– А по виду не скажешь! – упрямо заявила Мэг.

– Тебе пока просто не с кем сравнить меня, Мэг! – добродушно рассмеялась миссис Мурри. – Честное слово, я самая обычная женщина.

– Ха-ха! – саркастически воскликнул вошедший в гостиную Кельвин О'Кифи.

– Чарльз заснул? – спросила миссис Мурри.

– Да.

– А что ты ему читал?

– Генетику. Это он сам выбрал. Кстати, а что за эксперимент вы проводили сегодня вечером, миссис Мурри?

– Да так, одну вещь, которую мы затеяли вместе с мужем. Я не хочу оказаться в отступающих, когда он вернется.

– Мама, – Мэг все еще не закончила свой разговор, – но Чарльз сказал, что я вообще непонятно кто. Ни рыба, ни мясо...

– Ох, вот опять ты за свое! – перебил ее Кельвин. – Ты – это ты, Мэг, разве этого мало? Лучше пойдем прогуляемся!

Но Мэг не так-то легко было уговорить.

– А что ты скажешь о Кельвине? – настойчиво спросила она.

– Я ничего не собираюсь говорить о Кельвине, – рассмеялась миссис Мурри. – Он мне очень нравится, и это прекрасно, что он нашел дорогу в наш дом.

– Мама, ты еще собиралась рассказать мне про тессеракт.

– Да, – во взгляде миссис Мурри мелькнула тревога, – но не сейчас, Мэг. Не сейчас. Действительно, пойди пройди с Кельвином. А я пойду поцелую Чарльза и присмотрю, чтобы близнецы легли спать.

Снаружи трава промокла от росы. В ярком сиянии восходящей луны поблекли звезды. Кельвин взял Мэг за руку так спокойно и по-дружески, как до сих пор удавалось одному Чарльзу Уоллесу.

– Мама расстроилась из-за тебя? – мягко спросил он.

– Не из-за меня. Но расстроилась.

– В чем дело?

– В папе.

Кельвин вел Мэг по лужайке за домом. На земле извивались длинные тени деревьев, и воздух был наполнен густым сладковатым осенним запахом. Мэг споткнулась, когда тропинка круто пошла вниз, но уверенная рука Кельвина не дала ей упасть. Они осторожно прошли между грядок с капустой, тыквами, кабачками и брокколи, посаженными близнецами. Слева над ними возвышались стебли кукурузы. Впереди открывался небольшой яблоневый сад, а дальше за низкой каменной оградой начинался лес, в котором они встретились сегодня днем. Кельвин подвел ее к ограде и уселся на камни. Его рыжие волосы отливали серебром в лунном свете, а тело пятнали причудливые тени от листьев. Он сорвал яблоко с корявой ветки и протянул его Мэг, а потом сорвал еще одно для себя.

– Расскажи мне о своем отце.

– Он ученый, физик.

– Ну да, это мы все и так знаем. И он вроде как бросил твою маму и ушел к другой женщине.

Мэг так и взвилась на месте, но Кельвин решительно схватил ее за руку и заставил снова сесть.

– Тише, милая. Я ведь не сказал ничего нового, верно?

– Нет, – буркнула Мэг, не прекращая попыток вырвать руку. – Пусти!

– Да ладно, успокойся ты. Ты знаешь, что это вранье, и я знаю, что это вранье. А если кто-то хоть раз видел твою маму и после этого еще повторяет, будто нормальный мужчина способен бросить ее и уйти к другой женщине... Что ж, это лишний раз доказывает, какие люди завистливые. Ведь так?

– Наверное, – неохотно признала Мэг, но бурлившее в ней счастье испарилось без следа, и она снова барахталась в пучине ярости и отчаяния.

– Слушай, упрямое создание! – Кельвин даже легонько встряхнул ее за плечи. – Я только хочу все для себя уяснить и отделить факты от сплетен. Твой папа – физик. Это факт?

– Да.

– Он имеет кучу всяких ученых степеней и все такое.

– Да.

– Большую часть времени он работает самостоятельно, но иногда читает лекции в высшей школе в Принстоне. Верно?

– Да.

– А еще он делал кое-что по заказу правительства, не так ли?

– Да.

– Ну вот, а дальше ты мне расскажешь сама. Потому что я больше ничего не знаю.

– Но и я больше ничего о нем не знаю! – выпалила Мэг. – Может, маме что-то известно. Этого я тоже не знаю. А то, чем он занимался, называлось... Ну, они это называли «Высшим классом».

– То есть под грифом «Совершенно секретно», да?

– Точно.

– И ты даже не догадываешься о том, что бы это могло быть?

– Нет, – Мэг тряхнула головой. – Почти ничего. Только так, одна мысль из-за его командировок.

– Ну и куда он ездил?

– Сначала за границу, в Нью-Мехико, и там мы были все вместе. Потом во Флориду, на мыс Канаверал, и там мы тоже были с ним. Но потом он стал постоянно куда-то уезжать, а мы осели здесь.

– Этот дом всегда принадлежал вам?

– Да. Но мы приезжали сюда только на лето.

– И ты не знала, куда посылают твоего папу?

– Нет. Сначала от него шло одно письмо за другим. Мама и папа каждый день обменивались новыми письмами. И мне кажется, что мама так и пишет ему по письму каждую ночь. Она бы так и отправляла их по-прежнему, но эта тетка на почте что-то проквакала по поводу горы писем, на которые все равно не отвечают.

– Наверное, они вообразили, будто твоя мама пытается его вернуть или что-то подобное, – сердито ответил Кельвин. – Они просто не в состоянии увидеть самую настоящую, искреннюю любовь даже у себя под носом. Ну ладно, проехали. Что было потом?

– Да ничего не было, – уныло призналась Мэг. – В этом-то и проблема.

– Ну, а что стало с папиными письмами?

– Они просто перестали приходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.